

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

И.В. Фомин¹

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФРОНТИР: СКВОЗЬ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ И ГРАНИЦЫ ДИСЦИПЛИН

Тема этого выпуска ежегодника МЕТОД – трансдисциплинарные методы в обществоведении. Он, однако, не открывает, а скорее продолжает дискуссию по этой теме, которая уже велась на страницах издания в предыдущие годы. Все большее дробление и все более выраженная консолидация отдельных предметно специализированных «мини-дисциплин», присущие современному состоянию науки, побуждали авторов МЕТОДа ставить вопросы о возможностях интеграции научного знания поверх такого рода размежеваний и сквозь них [Ильин, 2014; Авдонин, 2014 а; 2014 b; 2015; Коротчаев, 2014; Кокарев, 2014; Розов, 2014; Трансдисциплинарные... 2016 и др.]. При этом зачастую поиск инструментов трансдисциплинарной интеграции шел именно в области методологии. В числе интегрирующих инструментариев, которые могли бы выступить языками, объединяющими разрозненные предметные области, наряду с математикой [Ильин, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2016], трансдисциплинарный потенциал которой сегодня проявлен наиболее отчетливо, обсуждались также и возможности других претендентов. В этом качестве рассматривались морфология, компаративистика, тектология, логика, когнитивная наука и другие области знания. Одно из центральных мест в их ряду стабильно занимала семиотика [Ильин, 2014; Круглый стол... 2014; Фомин, 2014; 2015 b; Золян, 2016 и др.].

Представления о семиотике как об одном из оснований всякого человеческого познания можно обнаружить уже у классиков современной науки и философии. Так, Джон Локк, ставший первым, кто использовал слово *семиотика* в смысле, близком к современному², в своем «Опыте о

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

² Существует также более ранняя традиция использования слова *семиотика* для обозначения учения о симптомах в рамках медицины. Эта медицинская ветвь исторически

человеческом разумении» писал, что семиотика (*Semeiotike*) – как «учение о знаках» (the doctrine of signs) – составляет одну из трех ветвей познания как такового наряду с *физикой* – «знанием о вещах» (the knowledge of things) и *практикой* – «умением правильно прилагать наши силы и действия для достижения благих и полезных вещей» (the skill of right applying our own powers and actions, for the attainment of things good and useful). Согласно Локку, задача семиотики – «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим». При этом Локк использует слова *логика* и *семиотика* как синонимы: «Так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* – “логика”» [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, р. IV:XXI].

О метанаучном потенциале семиотики также писал в начале XX в. американский философ Чарльз Уильям Моррис, отмечая, что семиотика должна занять двойственное положение в системе наук: с одной стороны – стать «наукой в ряду других наук», с другой – взять на себя роль унифицирующего метанаучного «органона», который «закладывает основы любой другой частной науки о знаках» [Morris, 1938, р. 2; Моррис, 1983, с. 38]. Обзору процессов становления семиотики по этим двум векторам и посвящен настоящий текст.

Семиотика до семиотики

Задача изложения истории развития семиотики как «науки в ряду других наук» осложняется отсутствием у нее – отчасти именно ввиду трансдисциплинарного ее характера – выраженных границ. И если историю термина *семиотика* проследить можно достаточно точно – пионером, как уже было указано выше, здесь является Джон Локк, – то история семиотических идей уходит намного дальше в глубину веков, пронизывая корнями античные и средневековые сочинения по философии, логике и грамматике.

Историки семиотики относят к числу ее античных предтеч греко-римского периода Гераклита и Парменида, Горгия, Платона и Аристотеля, стоиков и эпикурейцев, а также Порфирия, Блаженного Августина и Боэция, Варрона, Цицерона, Квинтилиана, Геллия и Лукреция [см.: Nöth, 1990, р. 14–17; Oehler, 1982; Скрипник, 2011 и др.]. Так, например, уже Аристотель в своем сочинении «Об истолковании» – вполне в духе семиотики – заключает: «[Г]о, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письмена – знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни

восходит к римскому медику Галену, предложившему называть *семиозисом* процесс медицинской диагностики [Nöth, 1990, р. 13].

и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления. [...] Имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает. [...] [Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [Аристотель, с. 93–94].

Что касается Средневековья, то как элемент семиотики этого периода можно рассмотреть, например, схоластический спор об универсалиях. В рамках него были проблематизированы онтологический статус и соотношение знаков, сигнифицирующих общие (универсальные) концепты, и их референтов. По мнению исследователя схоластики Джона П. Дойла, выдающимся семиотическим трудом средневекового периода является трактат коимбрских иезуитов, которые, комментируя «Об истолковании» Аристотеля, ставили вопросы о природе и классификации знаков [Дойл, 2002].

Особое внимание историки средневековой семиотики обращают также на схоластическую теорию суппозиций. Схоласты полагали, что посредством суппозиции предикат устанавливает связь с действительностью и суждение получает истинностное значение. *Суппозиция* в рамках этой теории понималась как контекстуальное значение, противопоставляясь *сигнификации* (*significatio*) – значению, не зависимому от контекста [Nöth, 1990, p. 17–18; Арутюнова, 1998, с. 274].

Схоластами выделялись многочисленные виды суппозиции в рамках различных ее классификаций. Так, например, Оккам (1285–1347) говорил о трех основных ее видах: персональной, простой и материальной суппозициях. *Персональная суппозиция* (*suppositio personalis*) – отнесение термина к обозначаемому объекту («термин подразумевает обозначаемое им и выступает как обозначающий») (напр.: «Человек бежит»). *Простая суппозиция* (*suppositio simplex*) – отнесение термина к понятию (к «интенции души») (напр.: «Человек есть вид»). *Материальная суппозиция* (*suppositio materialis*) – «когда термин не подразумевает как обозначающий, но подразумевает слово произнесенное либо написанное»; в этом случае термин «под подразумевает самого себя, и тем не менее он не обозначает самого себя» (напр.: «Человек есть имя») [Оккам, 2002, с. 31–35; Апполонов, 2002, с. xix–xxiii].

Также в качестве элемента средневековой семиотики может быть рассмотрена грамматическая теория *модусов обозначения* (*modi significandi*). Основанием ее служило различие трех лингвистических аспектов: *понятия* (*intellectus*), *звучания* (*vox*) и подразумеваемой *вещи* (*res*), которым соответствовали три категории модусов – *modus intelligendi* (*модусы понятия*), *modus significandi* (*модусы обозначения*) и *modus essendi* (*модусы существования*) [цит. по: Nöth, 1990, p. 19; Арутюнова, 1998, с. 274; также см.: Перельмутер, 1991].

Что касается эпохи Возрождения, то в качестве центральной, хотя и не единственной фигуры в историографии семиотики этого периода стоит назвать Жуана Пуансо (Иоанна Св. Фомы)¹ (1589–1644). Как отмечает Джон Дили, именно Пуансо в своем «Трактате о знаках» (*Tractatus de Signis*, 1632) [Poinsot, 1985] впервые заложил единую систематическую основу для семиотических исследований [Deely, 1994, p. 545]. Знак был определен Пуансо как такое отношение, которое существует, когда нечто представляет что-то другое, находясь в отношениях с тем, что оно представляет, и с тем, для кого оно представляет [Murphy, 1991, p. 37]. И хотя все знаки существуют только в опыте живых существ, связь между знаками и тем, что они обозначают, иногда укоренена за пределами конкретного опыта (таковы укороченные в физических, химических и биологических отношениях *естественные знаки*), в других же случаях эта связь может не иметь никакой реальности, кроме той, что она обретает в силу социальной интеракции (таковы специально придуманные *условные знаки* и действующие в силу социальной привычки *обычные знаки*). Исходя из этого Пуансо избирает в качестве отправной точки для своей общей семиотической концепции позицию за пределами разделения на существующее независимо от ума и на существующее в уме. Для Пуансо знак оказывается одновременно и естественным, и социальным. Философ делает заключение о том, что знаки возможны в силу относительного своего характера, не связанного с тем, в уме или в природе находится то, между чем выстраиваются знаковые отношения. Это, как указывает Джон Дили, само по себе уже является революционным шагом в контексте тогдашней натурфилософии [Deely, 1983].

Таким образом, к моменту, когда Джон Локк (1632–1704) впервые употребил термин *семиотика* [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, IV:XXI, в рамках учения о знаках уже было проделано немало работы.

¹ При переводе на русский фамилия *Poinsot*, которую носил этот испанский теолог, родом из Лиссабона, иногда транслитерируется как *Поинсот*, но чаще передается как *Пуансо*, т.е. как французская, что может быть оправдано, ввиду того что, по некоторым сведениям, отец Жуана был выходцем из Бельгии. Встречаются также различные варианты имени философа: *Хуан* (Juan), *Жуан* (João), *Иоанн* (Johannes), *Джон* (John) и т.п., как и варианты монашеского имени, принятого в 1609 г. при вступлении в орден доминиканцев: *Иоанн Св. Фомы*, *Хуан де Санто Томас* (Juan de Santo Tomás), *Joannes de S. Thoma*, *John of St. Thomas*, *Giovanni di San Tommaso* и т.п. [Скрипник, 2012, с. 235]. В этой ситуации можно предложить использовать в русскоязычных текстах португальско-французский вариант *Жуан Пуансо* для передачи имени, полученного при рождении, и вариант *Иоанн Св. Фомы* в случае монашеского имени, поскольку в других языках можно наблюдать именно тенденцию к его доместикации.

Семиотика после Локка

Автором первого обширного трактата, посвященного теории знаков и озаглавленного «Семиотика» (Semiotik), стал развивавший идеи Локка немецкий мыслитель Иоганн Генрих Ламберт (1728–1777). В своей работе Ламберт обращается к «исследованию необходимости символического познания в целом и языка в частности» [Lambert, 1764 b, § 6], указывая, что процесс символического познания (symbolische Erkenntniß) «является неотъемлемым звеном мышления» [Lambert, 1764 b, § 12]. Трактат о семиотике Ламберт сделал одной из основных частей своего масштабного труда под названием «Новый органон»¹, остальные три части которого были посвящены соответственно трем другим ветвям теории познания: дианоэологии (учению о законах мышления), алетологии (учению об истине) и феноменологии (учению о видимости (Schein)) [Lambert, 1764 a; 1764 b].

Обращаясь к вопросу о типологии знаков, Ламберт выделяет три их вида: *естественные знаки* (natürlichen Zeichen), *произвольные знаки* (willkürlichen Zeichen), *подобия* (Nachahmungen) и *иконические репрезентации* (Bilde der Sache oder Abbildungen) [Lambert, 1764 b, §§ 47–51; Nöth, 1990, p. 24]. При этом Ламберт исследовал не менее 19-ти знаковых систем, таких как музыкальные ноты, жесты, иероглифы, химические, астрологические и геральдические символы, социальные церемонии и естественные знаки, оценивая степень произвольности, систематичности, надежности каждой из систем, а также ее удаленности от реальности вещей [Lambert, 1764 b, §§ 25–48; Nöth, 1990, p. 24]. Наиболее близкими к реальности Ламберт полагал знаки научные, которые не только репрезентуют понятия, но и отражают отношения таким образом, что «теория вещей и теория знаков становятся взаимозаменяемыми» [Lambert, 1764 b, §§ 23–24; Nöth, 1990, p. 24]. Проблема алгебры и других искусственных научных языков по отношению к языкам естественным (wirkliche Sprachen) рассматривается Ламбертом в качестве двойного перевода (gedoppelte Übersetzung) – знание о мире переводится на естественный язык, а затем – на искусственные языки науки [Lambert, 1764 b, §§ 55 ff; Якобсон, 1996, с. 141].

Наряду с Ламбертом в числе заметных фигур, развивавших семиотические идеи в XVIII–XIX вв., можно назвать также немецкого мыслителя Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) и чешского философа Бернарда Больцано (1781–1848). Последний не только развивал семиотические концепции, но и пользовался при этом самим термином *семиотика*. Развивая

¹ Полное название: «Новый органон, или Мысли об исследовании и обозначении истинного и его отличии от заблуждения и видимости» (Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein).

общее учение о знаках (Zeichenlehre), Больцано выделял семиотику (Semiotik) в качестве прикладной его части [Nöth, 1990, p. 33].

Семиотика Пирса

На рубеже XIX–XX вв., следуя за Локком и Ламбертом, американский философ Чарльз Сэндерс Пирс (1839–1914) также поставил вопрос о систематизации человеческого познания, сделав семиотику одним из центральных элементов своей концепции. В различных работах Пирс приводит разные версии классификации разновидностей наук, и, как и у предшественников, эти типологии у Пирса имеют триадическую структуру. Так, например, в своей ранней работе «Телеологическая логика» (1865) Пирс выделяет 1) *позитивную науку (изучение вещей)*, 2) *семиотику (изучение представлений)* 3) и *формальную науку (изучение форм)* [Peirce, 1982, p. 303–304]. Как и Локк, Пирс ставит знак равенства между логикой и семиотикой, говоря о них как о разных названиях для «формального учения о знаках» [Peirce, 2012, p. 98]. Именно с именем Пирса связано формирование семиотики как современной науки.

Сами знаки Пирс также рассматривает трихотомично. Во-первых, он разделяет их по самой сути (репрезантамену) на: 1) *первичные знаки-качества* (напр.: ощущение от черного цвета), 2) *воплощения качеств*, т.е. единичные действительно существующие предметы или события – *знаки-вещи* (напр.: написанное черными чернилами слово «стол»), 3) *знаки-законы*, проявляющиеся в вещах (напр.: правила использования слова *стол*). Во-вторых, с точки зрения отношений между знаком и объектом, на который знак указывает, Пирсом выделяются: 1) *иконы* (знаки в силу подобия), 2) *индексы* (знаки в силу смежности) и 3) *символы* (знаки в силу конвенции). В-третьих, знаки различаются с точки зрения их отношения к своему смыслу (интерпретанту) как 1) *знаки-возможности (ремы)*, 2) *знаки-факты (суждения)* и 3) *знаки-умозаключения* – что соответствует классической логической триаде *термина, предложения и умозаключения* [Peirce, 2012, p. 101–104].

Пирсовские идеи о фундаментальном характере семиотики развивал выдающийся американский ученый Чарльз Уильям Моррис. Им, в частности, была предложена триада уровней семиозиса – процесса, в котором нечто функционирует как знак («нечто учитывает нечто другое через посредство чего-то третьего»). Моррис предложил выделить в семиозисе три аспекта: *семантику* (отношения между знаками и объектами, на которые они указывают), *синтактику* (отношения между знаками) и *прагматику* (отношения между знаками и интерпретаторами) [Morris, 1938, p. 9].

Предметный фронтир семиотики

Своего рода альтернативной генеалогией семиотики стала линия, восходящая к работам Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Этот швейцарский лингвист, ставший одной из центральных фигур, определивших вектор развития науки в XX в., существенно повлиял и на становление учения о знаках. Отвечая на вопрос о месте лингвистики в ряду наук, Соссюр указал на возможность формирования науки, «изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества». «Такая наука, – отмечается в “Курсе общей лингвистики”, – явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее *семиологией* (от греч. *semeion* «знак»). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни» [Соссюр, 1999, с. 23–24].

Наметив таким образом перспективы для развития семиологии, де Соссюр сыграл двоякую роль. С одной стороны, именно благодаря его работам стали возможны получившие в XX в. мощный импульс структуралистские подходы в рамках семиотики [Барт, 1989; Бюиссанс, 2016; Лотман, 2000; Греймас, 2000; Тодоров, 1975 и др.] С другой стороны, ввиду того что де Соссюр ограничил предметное поле изучающей знаки метадисциплины пространством социальной психологии, осложненным оказался выход семиотики за пределы проблематики исследований культуры и общества. Одной из главных точек приложения усилий в семиотике XX–XXI в. стала именно задача расширения этой границы, исправления этой восходящей к де Соссюру ошибки *pars pro toto*. Центральную роль в этом процессе сыграл американский ученый венгерского происхождения Томас Себеок (Thomas Sebeok)¹.

Как указывает Джон Дили, именно Себеок был тем человеком, который «переоткрыл» семиотику или даже вновь ее основал во второй половине XX в. [Deely, 2015, p. 43]. Одним из первых важных шагов Себеока было предложение термина *зоосемиотика* [Sebeok, 1968], который подразумевал, что хотя человек и имеет ряд специфических черт в том, что касается действия знаков (*action of signs*), сама такого рода активность, однако, присуща не только человеку, но и всем другим животным без исключения [Deely, 2015, p. 44]. Развивая идеи Юрия Лотмана о понятии *семиосферы*² и используя категорию *умвельта*¹, введенную Якобом Ик-

¹ Правильное венгерское произношение фамилии – Шебёк.

² *Семиосфера* – все присущее определенной культуре семиотическое пространство [Лотман, 2000].

скульем (Jakob von Uexküll), Себеок предложил рассматривать в качестве первичной моделирующей системы внутренний мир любого животного (а не естественный язык, как это предлагал Лотман). Таким образом, *антропосемиотика* получила статус частной предметной области, изучающей естественные языки и возникающую благодаря им культуру как экзантированные² формы этой более общей, присущей всем животным способности к семиотическому освоению мира [Deely, 2015, p. 45].

Следующим же шагом, еще в большей мере расширяющим предметные границы семиотики, стал переход к проблематике *биосемиотики*. Биосемиотическая перспектива позволила выйти теперь уже и за пределы животного мира, сделав частью семиотической повестки дня исследование функционирования знаков в мире живой природы вообще, в частности в мире растений (*фитосемиотика*) [Deely, 2015, p. 45].

Что же касается современного положения предметного фронта семиотики, то оно, пожалуй, наиболее точно отражено в вопросе, который выдающийся семиотик Джон Дили вынес в подзаголовок одной из глав вышедшего в 2015 г. издания «International Handbook of Semiotics». Этот вопрос звучит так: «Выходит ли действие знаков за пределы биологического мира?» [Deely, 2015, p. 52].

Жизнь по-прежнему остается в фокусе внимания семиотики, но предметные границы ее вновь расширяются, давая место для возникновения *физиосемиотики* – для исследования семиозиса, предшествующего возникновению жизни и с нею не связанного, однако неизбежно создающего условия для появления жизни и ее поддержания. В этой точке семиотика смыкается с космологией, формулируя семиотическое прочтение антропного принципа: сама вселенная еще до возникновения субъекта должна была иметь свойства, делающие возможным семиозис, – для того чтобы сделать возможным существование жизни. Ключевым становится, таким образом, вопрос о пределах способности знаков определять интерпретанты. Может ли эта способность сохраняться в ситуации отсутствия субъекта? Если следовать семиотическим построениям Пирса, то такая возможность допустима. Ведь согласно его утверждению, интерпретант «не обязательно ментален» («need not be mental») [цит. по: Deely, 2015, p. 49]

¹ *Уmwельт* (Umwelt) – субъективный мир организма, образуемый факторами среды, имеющими значение для жизни организма. Состоит из перцептивного мира – *мерквельта* (Merkwelt) – и операционального (практического) мира – *вирквельта* (*Wirkwelt*) [Nöth, 1990, p. 158].

² *Экзантиация* – разновидность трансформации, при которой происходит изменение функций отдельных структур.

Трансдисциплинарный фронтир семиотики

Расширение предметного поля – это не единственный фронтир семиотики. В начале этой статьи мы уже упоминали проекте Ч.У. Морриса, наметившего для теории знаков роль метанаучного органона. Один из векторов развития семиотики связан с ее становлением именно в этом качестве. Отчасти это направление сопряжено с расширением предметных границ, о котором шла речь выше, однако не тождественно ему.

В терминах Пирса эту стоящую перед семиотикой задачу можно обозначить как необходимость состояться не только в качестве *идиоскопической* (idioscopic) науки, но и в качестве науки *коэноскопической* (senoscopic). Согласно Пирсу (который, в свою очередь, использует понятия, предложенные И. Бентамом (1748–1832)), *идиоскопическими науками* называются «специальные науки, в основании каждой из которых положен особого рода тип наблюдения, добываемого силами изучающих данную науку ученых посредством путешествий или другого рода разведки, приспособлений, позволяющих получать более совершенные чувственные данные, будь то инструменты или нечто как-то тренирующее чувственность и дополняющее прилежание самого наблюдателя» [Пирс, 2001, с. 187–188]. В отличие от них *коэноскопические науки* имеют дело с позитивной истиной, но при этом довольствуются «наблюдениями, которые большей частью не выходят за пределы человеческого опыта, по большей части – во всякое время его бодрствования». «Эти наблюдения не даются нетренированному глазу в точности потому, что их предмет пропитывает собой всю человеческую жизнь без остатка» [Пирс, 2001, с. 187].

Необходимым шагом к тому, чтобы семиотика смогла стать коэноскопической наукой, является развитие того, что Ч.У. Моррис называл *чистой* (pure) семиотикой, отличая ее тем самым от связанных с конкретными предметными областями *дескриптивных* (descriptive) семиотик [Morris, 1938, p. 9]. Похожие мысли высказывает в одной из своих статей и современный германский исследователь Ганс-Генрих Либ, который, проанализировав подходы Р. Карнапа, К. Ельмслева и некоторых других коллег, весьма удачно предложил переименовать *чистую* семиотику в *общую*, а *описательную* – в *специальную* [Lieb, 1975].

На сегодня для семиотики критически важно преодоление разрыва между пока все еще крайне приблизительными и, можно сказать, контурными разработками общей семиотики и целым облаком более или менее развитых частных семиотик разного рода, укорененных в изучении конкретных предметных областей (пусть и весьма широких, хотя чаще – весьма узких) или связанных со специфическими теоретико-методологическими направлениями, например с различными версиями дискурс-анализа. Пока же ситуация остается крайне плачевной. Чем сильнее углубляются специализированные семиотики, тем активнее они стремятся выработать свой уникальный инструментарий и даже особый язык, которые становятся все

более закрытыми и герметичными. При этом импортируемые исследовательские техники, как правило, некритически заимствуются из репертуара весьма укорененных в предметность субдисциплин. А это делает соответствующие наборы плохо интегрированных исследовательских методик крайне ненадежными и зависимыми не столько от исследовательских процедур, сколько от индивидуального искусства того или иного исследователя.

В этой ситуации, однако, вселяют оптимизм работы некоторых современных семиотиков, которые продолжают настаивать на необходимости развития общей семиотики и на реализации ее трансдисциплинарного потенциала. В их числе, например, вице-президент Международной ассоциации семиотических исследований Ли Ючжэн, указывающий, что общая семиотика должна стать функциональной стратегией, ориентированной на организацию всеобъемлющей междисциплинарной теоретической рамки, которая позволит интегрировать не только отдельные направления семиотики, но и вообще социально-гуманитарные науки [Li, 2015, p. 38]¹.

Последовательная работа по исследованию трансдисциплинарного потенциала семиотики в ряду других интегрирующих методологий (математики и морфологии) ведется с 2013 г. на базе Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН [Ильин, 2014; Кокарев, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015; Фомин, 2014; 2015 а; 2015 b; Золян, 2016; Ильин, Фомин, 2016; Фомин, Ильин, 2016]. В рамках этой работы предложена модель, позволяющая упорядочить все множество модусов существования семиотики и других трансдисциплинарных методологий (органонов-интеграторов) в пространстве между двумя полюсами, которые соответствуют *насыщенному* и *очищенному* их вариантам. В насыщенных своих вариациях методологии существуют, будучи тесно связаны с предметной фактурой той или иной дисциплины. В этом своем модусе они могут быть эффективны для решения узких предметных задач, но менее пригодны для осуществления трансдисциплинарной интеграции. Для того чтобы такая интеграция в полной мере состоялась, необходимо отразить и проработать связь между насыщенными версиями органонов и их очищенными вариантами.

По выражению Джона Дили, семиотика способна предложить для интенсивных процессов специализации, присущих современной науке, «коэноскопический антидот» [Deely, 2015, p. 31]. Можно надеяться, что осмысление и изучение семиотики не в качестве всеобъемлющей предметной метадисциплины, а именно в качестве одного из оснований для выработки интегрирующего трансдисциплинарного инструментария позволит не только сформировать такого рода «антидот», но и обеспечить эффективное его «усвоение».

¹ См. также реферат этой статьи Ю. Ли в наст. изд.

Список литературы

- Авдонин В.С. Математика как органон: Формализации, алгоритмы, модели // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2016. – Вып. 6. – С. 90–108.
- Авдонин В.С. Методологическая интеграция науки // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014 а. – Вып. 4. – С. 12–32.
- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 265–278.
- Авдонин В.С. Центры изучения интеграции науки в Германии, Швейцарии и Австрии. Обзор // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014 б. – Вып. 4. – С. 413–423.
- Апполонов А.В. Жизнь и творчество Уильяма Оккама // Уильям Оккам: Избранное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. vii–xlvii.
- Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 91–116.
- Арутюнова Н.Д. Логическое направление // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 273–275.
- Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–130.
- Бюссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: Речь – дискурс – язык // Политическая наука. – М., 2016. – № 3: Политическая семиотика. – в печати.
- Гордова Т.В. Логицизм И.Г. Ламберта: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.07. — СПб., 1995. – 18 с.
- Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 153–170.
- Дойл Дж.П. Коимбрские схоластики о семиотическом характере зеркальных отражений // Verbum. – СПб., 2001. – Вып. 5: Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. – С. 93–109.
- Золян С. Семиотика как органон гуманитарного знания: Возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2016. – Вып. 6. – С. 74–89.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разведенные сферы познания? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 6–11.
- Ильин М.В., Фомин И.В. И смысл, и мера. Семиотика в пространстве современной науки // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 30–46.
- Кокарев К.П. Институционализм: Сад расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 192–202.
- Кортаев А.В. Беседа с редколлегией ежегодника об отношении предмета и способа его изучения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 33–43.
- Круглый стол «Математика и семиотика: Две отдельные познавательные способности или два полюса единого органаона научного знания?» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 122–142.
- Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.

- Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – 704 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Оккам У. Избранное / Пер. с лат. А.В. Апполонова и М.А. Гарнцева; под общ. ред. А.В. Апполонова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
- Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М., 1991. – С. 7–66.
- Пирс Ч. Принципы философии. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Т. 1. – 224 с.
- Скрипник К.Д. К истории семиотических идей: три «знаковых» трактата Августина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – Т. 16, № 8 (103). – С. 5–12.
- Скрипник К.Д. Логика Д. Пуансо в контексте дихотомии «искусство – наука» // Вестник науки Сибири. – Томск, 2012. – N 3 (4). – С. 235–245.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
- Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
- Трансдисциплинарные органы гуманитарного знания. Дискуссия на пленарном заседании «Интеграция гуманитарных и естественно-научных знаний: информационные подходы» Седьмых гуманитарных чтений РГГУ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2016. – Вып. 6. – С. 109–117.
- Фомин И.В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: Возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – М., 2015 а. – № 2. – С. 8–25.
- Фомин И.В. Элементы семиотического органа для обществоведения: Анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 143–160.
- Фомин И.В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2015 б. – Вып. 5. – С. 208–219.
- Фомин И.В., Ильин М.В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 12–29.
- Якобсон Р. Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – С. 139–161.
- Deely J.N. Neglected figures in the history of semiotic inquiry: John Poinsett // History of semiotics / ed. by Achim Eschbach, Jürgen Trabant. – Amsterdam: John Benjamins publishing, 1983. – P. 115–126.
- Deely J. What happened to philosophy between Aquinas and Descartes? // The Thomist. – 1994. – N 58 (4). – P. 543–568.
- Deely J. Semiotics «today»: The twentieth-century founding and twenty-first-century prospects // International handbook of semiotics. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 29–114.
- Lambert J.H. Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein. – Leipzig: Johann Wendler, 1764 a. – Bd. 1. – 592 S.
- Lambert J.H. Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein. – Leipzig: Johann Wendler, 1764 b. – Bd. 2. – 435 S.
- Li Y. General Semiotics (GS) as the all-round interdisciplinary organizer: GS versus philosophical fundamentalism // Semiotica. – La Haye, 2015. – Vol. 2016, Issue 208. – P. 35–47.
- Lieb H.H. On subdividing semiotic // Pragmatics of natural languages. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1975. – P. 94–119.

- Locke J.* An essay concerning human understanding. – Amherst, N.Y.: Prometheus books, 1995. – 624 p.
- Morris C.W.* Foundations of the theory of signs. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – 59 p. – (International encyclopedia of unified science; Vol. 1, N 2).
- Murphy J.B.* Nature, custom, and stipulation in the semiotic of John Poinsoot // *Semiotica*. – La Haye, 1991. – N 83 (1–2). – P. 33–68.
- Nöth W.* Handbook of semiotics. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1990. – 576 p.
- Oehler K.* Die Aktualität der antiken Semiotik // *Zeitschrift für Semiotik*. – Wiesbaden, 1982. – Bd 4, H. 3. – S. 215–219.
- Peirce C.* Philosophical writings of Peirce. – N.Y.: Dover publications, 2012. – 416 p.
- Peirce C.S.* Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – Vol. 1: 1857–1866. – 736 p.
- Poinsoot J.* Tractatus de Signis. The semiotic of John Poinsoot / Trans. John Deely. – Berkeley: California univ. press, 1985. – 607 p.
- Sebeok T.A.* Zoosemiotics // *American speech*. – Durham, 1968. – Vol. 43, N 2. – P. 142–144.